

УДК 94(47)

DOI 10.25513/2312-1300.2019.3.68-76

Н. А. Черкасская

**ОБРАЗЫ ВЕЛИКИХ КНЯГИНЬ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЁДОРОВНЫ
И МАРИИ ПАВЛОВНЫ-СТАРШЕЙ В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДОМА РОМАНОВЫХ И ПРИБЛИЖЁННЫХ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

В источниках личного происхождения представителей дома Романовых и приближённых выявляются образы великих княгинь Елизаветы Фёдоровны и Марии Павловны-старшей, сложившиеся во время Первой мировой войны, их содержание и механизмы трансформации анализируются в контексте междинастических и внешнеполитических связей.

Ключевые слова: Романовы; образ; Первая мировая война; великая княгиня; императрица.

N. A. Cherkasskaya

**THE IMAGES OF THE GRAND DUCHESSSES ELIZABETH FEODOROVNA
AND MARIA PAVLOVNA THE ELDER IN THE SOURCES OF PERSONAL ORIGIN
OF THE REPRESENTATIVES OF THE ROMANOV DYNASTY AND APPROXIMATES:
THE LATE OF 19th – THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY**

In the sources of personal origin of the Romanovs and their approximate, images of the Grand Duchess Elizaveta Fedorovna and Maria Pavlovna Sr., formed during the First World War, are revealed. The content and mechanisms of image transformation are analyzed in the context of interdynastic and foreign political relations.

Keywords: Romanovs; image; World War I; grand duchess; empress.

Современные учёные активно занимаются имиджелогией (или образоведением, имагологией), в том числе рассматривая образы власти и личностей во власти. Образоведением это направление предлагает называть С. К. Милославская [1]. Имидж – английское слово, которое проникло в русский язык в 1980–1990-е гг. Латинский его корень *imago* чаще всего переводится как «изображение, образ, подобие, тень, призрак». Л. В. Филиндаш, исследующая имиджелогия, в том числе имиджелогия власти, отмечает: «В отечественной науке слово “имидж” определяется как стереотипизированный образ конкретного объекта, существующий в массовом сознании, что вполне соответствует западному гуманистическому учению о человеке – ан-

тропоцентризму, идеал которого – “промете-евский” тип личности, человек-микрокосмос, властелин мира, подчиняющий себе силы природы и общества» [1, с. 266]. По сути, это определение больше всего соответствует объекту нашего исследования – образы власти формировались из образов конкретных людей в массовом сознании, в сознании элитарных кругов – приближённых, в самосознании этих людей. Поскольку императорский двор, непосредственными участниками которого являются и Романовы, сам по себе можно рассматривать как субкультуру, внимание концентрируется на внутренней и внешней сторонах образа Романовых.

Одной из проблем исследования образов является закрытость субкультуры, и в то же

время именно она является одним из механизмов создания образов, тогда как каналом их распространения являются слухи. Образы членов императорской семьи рассматривались в нескольких монографиях и статьях.

В монографии Б. Колоницкого проанализированы образы нескольких особенно заметных во время Первой мировой войны Романовых, а именно Николая II, Александры Фёдоровны, великого князя Николая Николаевича-младшего и вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны [2]. Помимо выявления конкретных образов, автор удачно отвечает на вопросы о том, каковы источники слухов, в том числе и народных, как формировался образ самой монархии. Обращая внимание на то, что декодировка риторических образов монархов и их родственников – задача не менее важная, чем поиск достоверных фактов, автор даёт основание полагать, что пространство ещё не изученных образов довольно велико.

Учитывая опыт известного своими исследованиями в данном вопросе Р. С. Уортмана, следует обратиться и к его «Сценариям власти» [3] – исследованию, в котором, по мнению Колоницкого, связаны, политика, идеология и репрезентация власти [2, с. 15].

Книга К. А. Соловьёва «Хозяин земли русской? Самодержавие в эпоху модерна» более сосредоточена на рассмотрении механизмов принятия государственных решений, внутриминистерских интригах, на образах таких выдающихся деятелей Российской империи, как М. Т. Лорис-Меликов, К. П. Победоносцев, В. К. Плеве, С. Ю. Витте и др. Однако, автором они рассматриваются в связке с предпосылками формирования имиджа императоров Александра III и Николая II. Соловьёв отмечает, что все сюжеты политической истории нельзя сводить к психологии царя, в том числе и потому, что её реконструкция, по сути, является безнадёжным делом [4].

Важно, что многие образы императорской семьи можно изучать не только по воспоминаниям или слухам, но и по литературе, появившейся вскоре после свержения монархии и убийства Романовых. Примером такой литературы можно считать книгу С. Любоша «Последние Романовы» [5], по сути, основанную лишь на неподтверждённой практически никакими ссылками на источники кри-

тике Романовых, а также на слухах и негативных образах, растиражированных в ходе Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Изучение образов членов императорской семьи является очень важным компонентом в исследованиях, посвящённых революции и Гражданской войне, поскольку многое в судьбе самих Романовых в это время зависело от того, как они воспринимались в различных кругах.

В настоящее время, как и в советской литературе, активно анализируется образ императрицы Александры Фёдоровны [6], особенно во время Первой мировой войны и революции. Однако не только императрица играла значимую роль в трансляции и в трансформации образа императорской фамилии. Великие княгини Мария Павловна-старшая и Елизавета Фёдоровна, по своему происхождению связанные с Германией, играли заметные роли как в политической, так и в общественной жизни Российской империи. Отложив, по мере возможности, вопросы об их деятельности, в том числе и политической, сосредоточимся на их образах накануне и во время Первой мировой войны и революции. Образы немецких принцесс складывались не только в воспоминаниях приближенных и других подданных империи, но и в самосознании, в попытках самоидентификации великих княгинь, что подтверждают некоторые источники личного происхождения.

Безусловно, самыми яркими фигурами императорской семьи, представление о которых в начале XX в. варьировалось от обожевления до совершенного уничтожения, были император Николай II и императрица Александра Фёдоровна. На образы императора и императрицы влияли мнения придворных кругов, родственников, различные события, способствовавшие формированию мнений. Помимо образов Николая II и его супруги при императорском дворе формируется несколько особенно показательных образов великих княгинь. Эти образы позволяют проследить пути, характер зарождения и способы трансляции в общественном мнении. Цель данной работы – проследить пути и источники формирования образов при императорском дворе во время Первой мировой войны.

В истории династии Романовых большое место занимают междинастические отноше-

ния с представителями немецких правящих домов. С XVIII по конец XIX в. сложилось так, что именно с немецкими принцами и принцессами Романовыми было заключено подавляющее большинство браков. Стоит обратить внимание, что разветвлённые родственные связи с европейскими династиями у Романовых появились после того, как женились и вышли замуж все сыновья и дочери Павла I. Его сыновья были женаты на принцессах Баденской, Прусской, Вюртембергской, Саксен-Кобург-Заальфельдской. Дочери вышли замуж за принцев Австрийского (палатина Венгерского), Мекленбург-Шверинского, Саксен-Веймар-Эйзенахского, Вюртембергского, короля Нидерландов. Из этой длинной череды браков ясно видно, что преобладало всё то же немецкое направление.

К началу Первой мировой войны в России проживали четыре представительницы немецких герцогских домов, а именно: Гессен-Дармштадта (императрица Александра Фёдоровна и её сестра – великая княгиня Елизавета Фёдоровна), Мекленбург-Шверина (великая княгиня Мария Павловна-старшая) и Саксен-Альтенбурга (великая княгиня Елизавета Маврикиевна).

Поскольку в рассматриваемый период Российская империя находилась в состоянии войны с прежним своим традиционным союзником – Германией, особенно актуальным для того времени становится восприятие членов императорской семьи, происходивших из немецких княжеств.

Существует несколько исторически обусловленных причин заключения браков именно с представителями немецких княжеств. В Своде законов Российской империи (1832) чётко оговаривалась необходимость для цесаревны переходить в православие, и именно немецкие принцессы делали это охотнее всего. Необходимо было каждый раз решать вопрос с вероисповеданием, причём как в случае браков исходящих, так и входящих. Проблема была в том, что далеко не все великие княгини сразу же принимали православие, а некоторые не принимали его вовсе. И хотя супругам великих князей – в отличие от цесаревен – необязательно было переходить в православную веру, в случае отказа от перехода Романовы относились к ним совсем по-другому, что часто отражается в дневни-

ках, письмах и мемуарах, хотя этот момент чаще всего оговаривался в брачных договорах. Именно вследствие таких случаев – отказа переходить в православие – и возникали негативные образы как внутри императорской семьи, так и в придворных кругах.

Такие случаи в XIX – начале XX в. были редкими, и всего две великие княгини остались лютеранками.

Сам по себе брак требовал определённой приспособленности к ситуации. Переход в православие дополнял те изменения, которые происходили в жизни великих княгинь. Не все они так легко отбрасывали свою профессиональную идентичность, принимая новые правила двора. Во второй половине XIX в. отмечается более высокая степень женской самостоятельности, многое зависело также и от психологического фактора.

Учитывая тот факт, что политическая ситуация часто менялась, вполне ожидаемым становилось и включение некоторых из великих княгинь в политическую деятельность. Для особ, не интересующихся политикой, было достаточно других – внешних – проявлений несогласия с какими-либо правилами. Во время Первой мировой войны Россия была союзницей Великобритании и Франции. Великие княгини и императрица, происходившие из немецких княжеств, стали, своего рода, заложницами обстоятельств, созданных внешней политикой Александра III. Традиция заключать браки с представителями немецких домов постепенно ушла в прошлое, Россия включилась в новый политический союз, а старшие великие княгини оставались представительницами того поколения, которое относилось к прошлому союзу.

Во время Первой мировой войны происходит формирование нового образа врага. Германофобия в России стала использоваться противниками императорского дома для его дискредитации. Немецкое происхождение императрицы и великих княгинь упрощало эту задачу. Тот факт, что большая война велась именно против Германии, помогал оппозиционным кругам в распространении негативных образов той или иной представительницы дома Романовых. Интересно и то, что некоторые члены дома Романовых считали, что немецкое влияние в их семье довольно ощутимо, поэтому в формировании

образов императрицы и великих княгинь большую роль играли некоторые из великих князей. Особенно стоит отметить великого князя Николая Михайловича. Будучи историком, он активно занимался изучением «тайн» дома Романовых, а кроме того, был известным франкофилом и республиканцем. Он писал о том, что делился своими опасениями с вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной на предмет разных родственных немецких влияний, которые, как он предполагал, только увеличатся при продолжении войны и дойдут до максимума в последний период перед её окончанием. Николай Михайлович сделал график, в котором отметил прусские, мекленбургские, ольденбургские, гессенские влияния. При этом «самыми вредными» он признавал последние, поскольку они затрагивали императрицу. Он открыто писал о том, что императрица считает себя немкой. Также он полагал, что именно императрица до последнего была против войны и именно из-за своих родственных связей старалась сохранить мир [7, с. 166].

С течением времени этот образ распространялся всё дальше, попадая даже в отдалённые от столицы сельские местности [2, с. 298]. Чем ближе Россия подходила к революции, тем сильнее становились обвинения императрицы, а слухи становились всё более абсурдными.

Некоторые из великих княгинь действительно отличались своей «немецкостью», которую замечали и родственники, ещё задолго до Первой мировой войны. В особенности это касается Марии Павловны-старшей. Первым пунктом неприятия её как в самой императорской фамилии, так и в придворных кругах стал выбор религии. Мария Павловна отказалась перейти в православную веру и оставалась лютеранкой почти до конца жизни своего мужа [8].

О религиозных взглядах Марии Павловны-старшей и внешних проявлениях подчёркнутой «немецкости» заметил Александр III в письме к цесаревичу Николаю Александровичу: «В вербную Субботу 13 апреля произошло присоединение Эллы к Православной вере. <...> Элла очень хорошо читала молитвы, а некоторые и говорила наизусть. Да, это отрадное событие, порадовав-

шее меня глубоко, и я придаю ему особую важность в настоящее время.

Конечно, Михень и Мавра (великая княгиня Елизавета Маврикиевна), как истые Лютеранки, не присутствовали, да оно и понятно, не могло это событие быть им приятно, но бедные Владимир и Костя очень и очень грустят и для них и за них больно!» [9].

В словах Александра III явно слышится осуждение данных персон, не пожелавших принять православие, и сострадание их мужьям. Разумеется, отказ от перехода в православие не остался без последствий при дворе.

Некоторые великие княгини обвинялись лишь в непонимании русских обычаев, но именно Мария Павловна долгое время откровенно считалась «агентом Бисмарка» [10, с. 562]. В частности, генерал Скобелев давал оценку её деятельности в ситуации, сложившейся в 1878 г. между Россией, Австрией и Пруссией: «И что же, – с жаром говорил он, – вот мы опять на том же скользком пути; и накануне того, чтобы принести в жертву Пруссии и Австрии Россию и её интересы в славянских землях». Генерал Скобелев также рассказывал фрейлине Анне Фёдоровне Тютчевой «о том, до какой степени дерзко и деятельно ведётся немецкая интрига в семье государя через великих княгинь Марию Павловну и Ольгу Фёдоровну, имеющих большое влияние на своих мужей» [10, с. 562].

Из-за своей матери – великой княгини Марии Павловны-старшей, немки и лютеранки [11, с. 177], – великие князья Кирилл, Борис и Андрей Владимировичи действительно не пользовались популярностью. Отказ Марии Павловны принять православие послужил в 1910-х гг. поводом для дискуссий о месте линии Владимировичей в наследовании престола. Об этом подробно и эмоционально высказывался лидер партии «Русский народный союз имени Михаила Архангела», правый консерватор, монархист В. М. Пуришкевич: «Около 12 часов дня, ко мне позвонили по телефону из дворца великого князя Кирилла Владимировича и передали, что его высочество просит меня заехать к нему по важному делу около 2-х часов.

Я ответил, что буду, и решил поехать, хотя великий князь Кирилл, как и оба милые его брата, всегда внушали мне чувство глу-

бочайшего отвращения, вместе с их матерью великой княгиней Марией Павловной, имени коей я не мог слышать хладнокровно на фронте в течение всего моего пребывания там с первых дней войны.

Я чувствую, что Владимировичи и их мамаша, оставшаяся закоренелой немкой и германofilкой, не только вредят нашим армиям на фронте, но и беспрестанно подкапывают под государя, прикрываясь идейными мотивами блага России» [12].

Данный отрывок интересен тем, что В. М. Пуришкевич высказывает совершенно определённые предположения о том, что великая княгиня, будучи урождённой немкой, очевидно, имеет большое влияние на своих сыновей, находящихся на фронте на высоких должностях, и их действия, согласованные с интересами матери, наносят ущерб русской армии, делая победу менее возможной. Он также указывает и на иные, более приоритетные интересы великой княгини: «Они (линия Владимировичей. – Н. Ч.) не оставили мысли о том, что корона России когда-нибудь может перейти к их линии, и не забыть мне рассказа Ивана Григорьевича Щегловитова о том, как в бытность его министром юстиции, к нему однажды разлетелся великий князь Борис Владимирович с целью выяснения вопроса: имеют ли по законам Российской империи право на престолонаследие они, Владимировичи, а если не имеют, то почему?» [12].

Слухи о том, что амбициозная Мария мечтала видеть одного из своих сыновей на российском престоле, подтверждаются подобными цитатами. В придворных кругах отлично осознавали возможную перспективу этого, поскольку, будучи сыновьями третьего (следующего после Александра III) сына Александра II, великие князья Кирилл, Борис и Андрей становились следующими в очереди на престол после самого Николая II, его сына Алексея, больного гемофилией, и великого князя Михаила Александровича, заключившего морганатический брак (без перспективы наследования титула его детьми).

Последняя часть цитаты из дневника В. М. Пуришкевича более чем показательна: «Щегловитов, ставший после этого разговора с великим князем Борисом предметом их самой жестокой ненависти и получивший от

них кличку Ваньки Каина, разъярил великому князю, что прав у них на престолонаследие нет вследствие того, что великая княгиня Мария Павловна, мать их, осталась и после брака своего лютеранкой.

Борис уехал, не солоно хлебавши, но через некоторое время представил в распоряжение Щегловитова документ, из коего явствовало, что великая княгиня Мария Павловна из лютеранки уже обратилась в православную...» [12].

Пуришкевич, эмоционально описывающий и характеризующий всю ветвь Владимировичей, не выбирает деликатных выражений, показывая всё своё возмущение политическими стремлениями Марии Павловны. Отмечая конкретные законы, указывая не только на абстрактную немецкость, но и на попирающие нормы, он выступает ярким сторонником законодательства. Возможно, возмущает его более даже не национальность великой княгини, но её политические амбиции, и уже именно её немецкость становится приложением к этому. Пуришкевич в таком случае видится большим государственным человеком, чем сами Романовы, готовые нарушить закон ради политических амбиций, и, возможно, что лютеранство и происхождение Марии Павловны становятся лишь приложением, способным усилить и подчеркнуть её негативный образ, который легко создавался во время войны с Германией. Марию Павловну и её детей не любили как многие приближённые, так и сами Романовы. Великий князь Николай Михайлович, ярый противник великой княгини и немецких влияний при дворе, в одном из своих писем Николаю II в 1912 г. отмечал: «Много я передумал о том положении, которое создаётся от брака Миши. Если он подписал или подпишет акт отречения, то это весьма чревато последствиями и вовсе не желательными.

Ведь Кирилл, как женатый на двоюродной сестре, тоже уже потерял свои права на престол и в качестве *héritier presomptif* (возможного наследника. – Н. Ч.) явится Борис. Если это будет так, то я прямо-таки считаю положение в династическом смысле угнетающим» [13, с. 356].

На слухи об обвинении Марии Павловны в шпионаже в пользу Германии не влияла её активная благотворительная деятельность

в пользу русских солдат и офицеров. Будучи очень активной в возрасте 60 лет, великая княгиня совершала множество поездок, в том числе побывала в окопах в Варшаве, посещала фронт в своём санитарном поезде № 1. За свою деятельность она получила Георгиевскую медаль I степени на ленте [2, с. 281]. Она участвовала во всех мероприятиях, игнорируемых императрицей Александрой Фёдоровной, которая всё чаще отказывалась выходить в свет.

Во время Февральской революции Мария Павловна-старшая была арестована, но вовсе не по обвинению в шпионаже в пользу Германии. Новые власти считали, что она состояла в заговоре по восстановлению монархии, о чём было написано в перехваченном у неё письме к сыну – великому князю Борису Владимировичу: «Я посылаю это письмо через верные руки этого хорошего и верного, старого генерала, – писала Мария Павловна. – Мы, естественно, должны надеяться, что Н. Н. возьмёт всё в свои руки, так как после Миши всё испорчено. Наши все надежды на возможное будущее остаются с ним». Мать просила сына сообщить с «верным человеком», что делается, так как «мы здесь положительно ничего не знаем», – добавляя: «Сожги это письмо, прошу» (цит. по: [14, с. 94]).

Вне придворных кругов упоминаний о том, что Марию Павловну считали немецкой шпионкой, практически нет.

Ещё более ярко по сравнению с образом Марии Павловны выглядит образ великой княгини Елизаветы Фёдоровны. Мария Павловна стала православной только для того, чтобы обеспечить линии Владимировичей право на наследование трона. Елизавета Фёдоровна – из личных побуждений. Несмотря на тесную связь Елизаветы Фёдоровны с православной церковью и обширную благотворительную деятельность, она также подвергалась нападкам и обвинениям в шпионаже в пользу Германии. Источники слухов здесь были другими. Если Марию Павловну германофилкой считали практически исключительно в придворных кругах, ещё с тех времен, когда союз с Германией имел место, то образ Елизаветы Фёдоровны, несмотря на обширную благотворительную деятельность, претерпел изменения только к середине Первой мировой войны.

Начиная с 1915 г. слухи, циркулировавшие вокруг императрицы Александры Фёдоровны, очевидно, стали распространяться и на её сестру, что в народных массах выглядело вполне закономерно – обе они были кузинами кайзера Вильгельма II и сёстрами Гессен-Дармштадтского герцога Эрнста Людвига.

Причиной негативных слухов, касавшихся Елизаветы Фёдоровны, была, как ни странно, её благотворительная деятельность. Ещё задолго до начала Первой мировой войны она активно занималась благотворительностью, и слухи о великой княгине как о большой благодетельнице распространились по России. На ярмарки, которые она организовывала, часто приходили крестьяне из провинции, и их главным желанием была встреча с Елизаветой Фёдоровной [15, с. 189–190]. Императрицу Александру Фёдоровну во время войны обвиняли в том, что она – «германская шпионка». То же самое говорили и о Елизавете Фёдоровне, воспользовавшись тем, что она, как христианка, навещала в госпиталях не только русских воинов, но и немецких раненных военнопленных. Вследствие этого начали распространяться слухи о том, что «она-де даёт немцам деньги, а русским – только иконки» [16, с. 21]. Одним из первых показательных случаев стал инцидент, который произошёл с великой княгиней во время возвращения в Москву с похорон великого князя Константина Константиновича (поэта К.Р.), умершего в 1915 г. Возле обители (на Большой Ордынке) её настигла толпа недовольных – в машину полетели камни, люди при этом плевались и кричали.

Проживавшая с 1909 г. в Марфо-Мариинской обители, великая княгиня редко выходила в свет, занимаясь благотворительностью. Тем не менее это не мешало распространению слухов. Напротив, и об этом следует поговорить подробнее, закрытость её образа жизни порождала эти слухи.

Биография великой княгини была незаурядной. Потеряв в 1905 г. мужа – великого князя Сергея Александровича, убитого бомбой террориста Ивана Каляева, Елизавета Фёдоровна продала всё имущество, а на вырученные средства построила Марфо-Мариинскую обитель милосердия, в последующие годы жизни посвятив себя благотворитель-

ности. Она редко присутствовала на придворных мероприятиях, а в последние годы вступила в конфликт со своей сестрой – императрицей Александрой Фёдоровной – из-за деятельности Г. Е. Распутина.

Ещё до того как стать настоятельницей обители, Елизавета Фёдоровна слыла известной благотворительницей, однако, после её ухода в обитель, очевидно, образ великой княгини, как и механизмы его трансляции, претерпели изменения. Связано это с тем, что обитель в своей закрытости почти равнозначна императорскому двору. В народном сознании, таким образом, личность великой княгини обрастала некоторыми мистическими слухами и догадками, а в острый критический момент, каковым можно считать Первую мировую войну, любое действие, как то помощь немецким и австрийским военнопленным, могло быть воспринято как измена.

Закрытость обители, отсутствие любой информации о её настоятельнице порождали противоречивые слухи. В итоге можно зафиксировать два противоположных образа: «белого ангела» и «немецкой шпионки». Можно вспомнить Г. Е. Распутина, который, будучи также окутанным религиозно-мистическими качествами, в одних кругах представлялся святым, в других – демоном. Показательным на этом фоне видится и образ современника Елизаветы Фёдоровны – о. Иоанна Кронштадтского, который частью общества почитался святым, частью – шарлатаном и актёром. В частности, считается, что его образ Н. С. Лесков высмеял в повести «Полунощники» [17, с. 228], а в прессе с 1905 г., после либерализации цензуры, стали появляться откровенно непристойные карикатуры на о. Иоанна.

Отношение к людям ярким, неоднозначным, связанным с властью или религией, у разных групп населения было полярным: и как часть императорской семьи, и как подвижница, великая княгиня была окутана ореолом некой сакральности. В то же время она являлась частью императорской семьи, которой были недовольны многие. Эта противоречивость, равно как и сам период Первой мировой войны, порождали в массовом сознании дозволенность критики.

Зарождение слухов происходило стихийно. Популярным в народе был слух о том,

что брат Елизаветы Фёдоровны Эрнст Людвиг Гессен-Дармштадтский тайно приехал в Россию для заключения сепаратного мира и скрывается в Марфо-Мариинской обители. Тогда около обители собралась толпа, кричавшая: «Немку долой! Выдавайте шпионов!» [16, с. 22]. Роль слухов возросла во время Первой мировой в условиях цензурного ограничения печати. Об этом писали в газетах, например в петроградском «Новом времени»: «Утеснение и несправность печати поставила сплетню вне конкуренции и сделала её монополисткой общественного осведомления. Сплетне верят больше, чем газетам. Печатно говорить о многом множестве предметов нельзя, но устно врать, что хочешь и чего не хочешь, можно сколько угодно – и нет ничего удивительного в том, что всё общество с несравненно большим интересом слушает грязную, неизменную, но всё же свободную сплетню» [2, с. 22]. Баронесса София Буксгевден вспоминала о времени войны: «Слухи заменяли информацию» [2, с. 22].

Во время войны Елизавете Фёдоровне часто приходилось сталкиваться с военно-политическими вопросами, например, с распределением военнопленных по госпиталям, вследствие возмущений местных жителей содержанием вражеских солдат в хороших условиях [18, с. 235]. Эта информация тут же транслировалась в массы: великая княгиня немка опекает немецких солдат. В условиях войны уже не вспоминали, что занятие благотворительностью Елизавета Фёдоровна начала не во время войны, а гораздо раньше. Великая княгиня организовала Всероссийский комитет, который включал в себя 3000 отделений [18, с. 238], притом что статус её обители до революции так и не был установлен церковью конкретно [19]. Сама Елизавета Фёдоровна в своих письмах к императору Николаю II, разумеется, не обошла вниманием эпизод с обвинением её в хорошем отношении к пленным: «...мои дамы стали помогать нашим, заботиться об устройстве раненых и т. д. Конечно, имея доброе сердце, они по возможности помогали и несчастным пленным, но их доброта была так дурно истолкована, и всё свалили на меня, будто бы я забочусь только о немцах... незачем и повторять эту ложь!!» [18, с. 235]. Интересен

и ещё один эпизод, о котором пишет Б. И. Колоницкий. Слухи, циркулировавшие среди рабочих и крестьян, часто связывали с немцами и мать императора Николая II – Марию Фёдоровну. Известны высказывания, в которых она упомянута вместе с великой княгиней Елизаветой Фёдоровной. Например, в ноябре 1915 г. один из обвиняемых в оскорблении членов императорской семьи сказал: «Машку и Лизку нужно удавить, тогда и война будет выиграна» [2, с. 528]. Елизавета Фёдоровна вместе с Марией Фёдоровной выглядит явно необычно, и их связь мало поддаётся логическому объяснению. Вместе с сестрой или отдельно Елизавета Фёдоровна признавалась шпионкой. Нападки на Елизавету Фёдоровну из-за её происхождения продолжались и в 1917 г. Вскоре после Февральской революции к обители снова подошла толпа с винтовками, красными флагами и бантами. Этот случай описывается и в воспоминаниях князя Феликса Юсупова – близкого друга Елизаветы Фёдоровны. 1 марта 1917 г. в обитель пришёл отряд революционных солдат, они окружили здание. «Где немецкая шпионка?» – кричали они. Настоятельница вышла и спокойно ответила: «Немецкой шпионки здесь нет. Это обитель. И я её настоятельница». Солдаты кричали, что уведут её. Она отвечала, что готова, но хочет прежде проститься с сёстрами и получить благословение у священника. Солдаты разрешили при условии сопроводить её.

Когда вошла она в храм в окружении солдат с оружием, монахини, плача, упали на колени. Поцеловав у священника крест, она обернулась к солдатам и велела им сделать то же. Они повиновались. А затем, впечатлённые спокойствием её и всеобщим её почитанием, вышли из обители, сели на грузовики и уехали [20, с. 170].

Незадолго до свадьбы Александры и Николая Елизавета Фёдоровна заинтересовалась, нельзя ли устроить переход Александры в православие как официальную церемонию в Петербурге. Она отмечала: «...люди такие странные, если это будет частным образом, могут подумать, от них что-то скрывают, а ведь первое впечатление остаётся на всю жизнь и может либо сразу сделать её популярной, либо бросить тень» [18, с. 148]. Как видно из цитируемого

письма, Елизавета Фёдоровна довольно хорошо разбиралась в тонкостях формирования имиджа и понимала, какими последствиями могут обернуться те или иные действия двора или персоны.

Отметим различия в образах двух великих княгинь. Характерным для образа Марии Павловны было негативное отношение к ней в придворных кругах, чему способствовало внешнее проявление её «немецкости», отказ переходить в православие. Неприятие Марии Павловны могло возникнуть и из-за её политических амбиций, а «немецкость» при этом становилась лишь поводом для отторжения. Образы Елизаветы Фёдоровны, как персоны, окутанной ореолом религиозности и закрытости православной обители, были противоположны: образ – подвижницы, занимавшейся благотворительностью в обители и образ сестры императрицы – по слухам, немецкой шпионки. Как сестра Александры Фёдоровны, Елизавета Фёдоровна подвергалась осуждению народа в городском фольклоре, и нападкам во время народных волнений. На это не повлиял тот факт, что сёстры к 1916 г. были в больших разногласиях, в том числе из-за отношения императрицы к Григорию Распутину.

Обе великие княгини волновали придворное общество и российское население. Во многом из-за того, что их переезд в Россию произошёл уже на последнем этапе русско-германского союза, они оказались в нехарактерной для их предшественниц ситуации – будучи представительницами немецких домов, они – каждая по-своему – постарались влиться в новую среду.

Рассмотрев источники появления и механизмы трансформации образов, сопоставив их с реальным положением великих княгинь, имевших немецкое происхождение, следует сказать, что зачастую их образы складывались под воздействием слухов, не всегда имевших под собой реальную почву. Эти образы формировались в придворных кругах и остались в источниках личного происхождения представителей дома Романовых и придворных, что было, безусловно, связано с личными отношениями в императорской фамилии и с изменением политического дискурса, произошедшим в конце XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Филиндаш Л. В.* Традиции политической имиджологии в русской культуре: риторика императорского портрета 2 половины XVIII века // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 45. – С. 264–279. – URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2014/vipusk_45_avgust_2014_g./jazik_politika_i_gosudarstvennoe_upravlenie/filindash.pdf.
2. *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.
3. *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. – М. : ОГИ, 2002. – Т. 1. – 608 с.
4. *Соловьёв К. А.* Хозяин земли русской? Самодержавие в эпоху модерна. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 296 с.
5. *Любош С.* Последние Романовы. – Репринт. изд. 1924 г. – М., 1990. – 272 с.
6. *Колоницкий Б. И.* Слухи об императрице Александре Фёдоровне и массовая культура (1914–1917) // Вестник истории, литературы, искусства / Отд-ние ист.-филол. наук РАН. – М. : Собрание : Наука, 2005. – С. 362–378.
7. Записки Н. М. Романова // Красный архив. – 1931. – Т. 4–5. – С. 140–183.
8. Правительственный вестник. – 1908. – № 84. – 13 (26) апреля.
9. *Александр III.* Письмо Цесаревичу Николаю Александровичу, 6 апреля 1891 г. Гатчина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альм. – М. : Студия ТРИТЭ : Рос. Архив, 1999. – [Т.] IX. – С. 232–233.
10. *Тютчева А. Ф.* Воспоминания. – М. : Захаров, 2016. – 592 с.
11. *Сташков Г. В.* Августейший бунт: Дом Романовых накануне революции. – СПб. : БХВ-Петербург, 2013. – 320 с.
12. *Пуришкевич В. М.* Дневник. 26 ноября 1916 года // Документы XX века. – URL: <http://doc20vek.ru/node/1436>.
13. *Николай Михайлович, вел. кн.* Письмо Императору Николаю II, 16 ноября 1912 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альм. – М. : Студия ТРИТЭ : Рос. Архив, 1999. – [Т.] IX. – С. 356.
14. *Мельгунов С. П.* Судьба императора Николая II после отречения. – М. : Вече, 2016. – 544 с.
15. *Клейнмихель В., Клейнмихель Е.* В тени царской короны. – Симферополь : Бизнес-информ, 2013. – 352 с.
16. *Ходанов М., прот.* Преподобномученица Елизавета Фёдоровна Романова // Шестое чувство. – 2009. – № 1. – С. 20–27.
17. *Киценко Н. Б.* Святой нашего времени. Отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 392 с.
18. Письма преподобномученицы великой княгини Елизаветы Феодоровны. – М. : Православное сестричество во имя преподобномученицы Елизаветы Фёдоровны, 2011. – 432 с.
19. *Белякова Е. В., Белякова Н. А.* Святая преподобномученица Елизавета Фёдоровна и вопрос о пути русского монашества // Церковь и время. – 2009. – № 3 (48). – URL: <https://mospat.ru/church-and-time/184>.
20. *Юсупов Ф. Ф.* Мемуары. – М. : Захаров, 2009. – 432 с.

Информация о статье

Дата поступления
17 марта 2019 г.

Дата принятия в печать
29 июля 2019 г.

Сведения об авторе

Черкасская Надежда Алексеевна – аспирант исторического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: nadlinepost@gmail.com

Для цитирования

Черкасская Н. А. Образы великих княгинь Елизаветы Фёдоровны и Марии Павловны-старшей в источниках личного происхождения представителей дома Романовых и приближённых (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3 (23). С. 68–76. DOI: 10.25513/2312-1300.2019.3.68-76.

Article info

Received
March 17, 2019

Accepted
July 29, 2019

About the author

Nadejda A. Cherkasskaya – graduate student of the Faculty of History of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: nadlinepost@gmail.com

For citations

Cherkasskaya N.A. The Images of the Grand Duchesses Elizabeth Feodorovna and Maria Pavlovna the Elder in the Sources of Personal Origin of the Representatives of the Romanov Dynasty and Approximates: the Late of 19th – the Beginning of the 20th Century. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2019, no. 3 (23), pp. 68-76. DOI: 10.25513/2312-1300.2019.3.68-76 (in Russian).